

Лян Сычжэ отошёл от дверного косяка, освобождая Цао Е проход.

Цао Е вошёл и переобулся в домашние тапочки. Переобуваясь, он подумал, что предлог с собакой был действительно глупым. Нужно было просто сказать, что он приехал за машиной — очевидная причина лежала на поверхности, но он даже не подумал об этом. Как будто мозг отключился...

Но, вспомнив шутку Лян Сычжэ про «любовь к животным», он снова улыбнулся. Этот человек, несмотря на всю критику в свой адрес, всё ещё мог шутить. Он притворялся беззаботным или действительно уже привык к такому?

— Когда ты проснулся? — спросил Лян Сычжэ, стоя рядом. — Поел?

Этот вопрос заставил Цао Е осознать, что он действительно немного голоден. Проснувшись, он даже не поел, а сразу же вызвал водителя. Сначала он не чувствовал голода, но слова Лян Сычжэ пробудили его аппетит.

— Нет, поем, когда вернусь, — ответил Цао Е, переобуваясь.

Лян Сычжэ промолчал, подошёл к дивану, взял телефон и ушёл в другую комнату.

Из комнаты доносился приглушенный голос — должно быть, Лян Сычжэ разговаривал по телефону.

«С кем? У него есть девушка?» — промелькнула мысль у Цао Е.

Переобувшись, Цао Е обернулся и увидел сяо-сяо Бай, стоящую в нескольких шагах от него и внимательно его разглядывающую. В отличие от Цезаря, она не бросилась к нему сломя голову, а просто стояла на месте, осторожно виляя хвостом. Похоже, характером она больше была похожа на сяо Бай.

Цао Е подошёл к ней, присел и погладил по голове. Несмотря на то, что это была дворняжка, она выглядела довольно внушительно, к тому же Лян Сычжэ хорошо за ней ухаживал — её шерсть блестела.

Хвост собаки завивал ещё сильнее — похоже, она была к нему расположена.

Цао Е встал и сделал несколько шагов, сяо-сяо Бай последовала за ним, но держалась на расстоянии, словно хотела подойти ближе, но немного боялась. Она казалась довольно послушной собакой. Внешне она была похожа на Цезаря, а характером на сяо Бай.

Цао Е поднял голову и посмотрел в сторону комнаты. Лян Сычжэ всё ещё разговаривал по телефону и, вероятно, не слышал, что происходит в гостиной. Он снова присел, понизил голос и, глядя в круглые чёрные глаза собаки, позвал:

— Сяо-сяо Бай. — Имя, которое он дал собаке много лет назад, звучало совсем по-детски. Произнеся его, Цао Е почувствовал, что немного вышел из образа, но всё же не сдержался и, протянув руки к сяо-сяо Бай, позвал:

— Иди сюда.

Сяо-сяо Бай не двигалась, продолжая смотреть на него.

Цао Е, присев, приблизился к ней ещё немного и тихо сказал:

— Не узнаёшь меня? Это же я дал тебе имя.

Сяо-сяо Бай оказалась довольно сообразительной. То ли она поняла его слова, то ли просто прониклась к нему симпатией, но она подошла ближе, обнюхала его шею, и её стоячие уши коснулись подбородка Цао Е, заставив его почувствовать лёгкую щекотку.

Цао Е от души любил животных, а с сяо-сяо Бай у него была особая связь. Он обнял собаку за шею, погладил её и, наклонившись, спросил:

— Что вынюхиваешь? Я вырастил твоего отца и кормил твою мать, узнала?

Сяо-сяо Бай тихонько заскулила и потёрлась об него.

В этот момент Лян Сычжэ вышел из комнаты. Цао Е тут же замолчал, продолжая гладить сяо-сяо Бай, и больше с ней не разговаривал. Разговаривать с собакой в присутствии Лян Сычжэ было бы глупо.

Лян Сычжэ подошёл, погладил сяо-сяо Бай по голове и, обращаясь к Цао Е, сказал:

— Садись на диван, зачем сидеть на корточках?

Цао Е кивнул, отпустил сяо-сяо Бай и направился к дивану. Собака последовала за ним и легла у его ног. Цао Е сел на диван, делая вид, что играет с собакой, но в душе он был не так спокоен, как хотел казаться.

Он не хотел говорить о шумихе в СМИ. Кому понравится, когда тебя обвиняют в употреблении наркотиков? Он не хотел расстраивать Лян Сычжэ. Он не хотел говорить и о баре. Даже он сам не мог объяснить, зачем открыл это заведение на улице Иньсы.

Подумав, он спросил:

— Почему ты не спишь?

Выглядевший расслабленным Лян Сычжэ откинулся на спинку дивана и лениво протянул:

— Как раз собирался, но пришел ты.

Цао Е посмотрел на него:

— Я, наверное, разбудил тебя. Я просто приехал за машиной. Сейчас я уеду, а ты спи. — С этими словами он отпустил сяо-сяо Бай и хотел встать.

— Эй, не уходи, — остановил его Лян Сычжэ, слегка коснувшись его запястья. — Твой визит важнее. Поспать я всегда успею, не к спеху. — Он тут же убрал руку: это было просто дружеское прикосновение, ничего лишнего.

Эти слова поставили Цао Е в тупик. Вроде бы он не сказал ничего особенного, но что-то в его словах было не так. Ему не нравилось, когда Лян Сычжэ говорил так, словно подталкивал его к каким-то определенным мыслям.

Он натянуто улыбнулся:

— Что такого важного в моём приезде? Позавчера ты мало спал из-за ночных съёмок, потом всю ночь не спал, помогая мне с баром. Мне кажется, тебе важнее выспаться.

— Цао Е. — Лян Сычжэ наклонился вперёд, опершись локтями на колени, и посмотрел на него.

Когда он произнёс его имя таким низким голосом, сердце Цао Е невольно дрогнуло, но он постарался сохранить спокойный тон:

— Что?

— Вчера вечером я ездил на Иньсы. Хочешь поговорить о баре?

Цао Е снова начал поглаживать сяо-сяо Бай по загривку.

— Давай лучше поговорим о чём-нибудь другом... — Он ответил прямо, боясь, что Лян Сычжэ заставит его объяснить, почему он открыл бар именно в таком месте, как Иньсы.

К его удивлению, Лян Сычжэ спокойно согласился:

— Хорошо, не будем об этом. Поговорим, когда захочешь. Кстати, как там Цезарь?

— Не знаю, — ответил Цао Е. — Я отдал его несколько лет назад.

Лян Сычжэ кивнул и спросил:

— А хочешь узнать, как поживает сяо Бай?

Цао Е повернулся и посмотрел на него.

— Её больше нет, — сказал Лян Сычжэ. — Это случилось четыре года назад. Помнишь Цинь Ичжуана? Он пел в том баре на Иньсы. Я попросил его присмотреть за сяо Бай. Однажды она выбежала на улицу и попала под машину. Погибла на месте.

Цао Е промолчал, положил руку на голову сяо-сяо Бай и сглотнул.

Несмотря на то, что прошло несколько лет, эта новость всё равно опечалила его. Он вдруг вспомнил, как Цезарь и сяо Бай занимались своими собачьими делами среди бела дня, как они с Лян Сычжэ сидели у стены и ели мороженое — словно это было вчера.

Лян Сычжэ тихо спросил:

— Тебе всё ещё противно вспоминать о сяо Бай и Цезаре?

— Я больше не думаю об этом, — ответил Цао Е, глядя на сяо-сяо Бай. — Всё в прошлом. Я редко об этом вспоминаю.

Лян Сычжэ кивнул и больше ничего не сказал.

Цао Е встал.

— Мне нужно дать показания. Ложись спать, я не буду тебя больше беспокоить.

— Уже уходишь? — Лян Сычжэ поднял на него взгляд. — Не хочешь ещё немного поиграть с сяо-сяо Бай? Мне кажется, она тебе понравилась.

Цао Е посмотрел вниз на сяо-сяо Бай, которая лежала у его ног, легонько покусывая его штанину.

— Она, наверное, тоже устала? Выглядит не очень бодро.

— Ты хочешь, чтобы десятилетняя собака была очень активной? — Лян Сычжэ усмехнулся, наклонился и потрепал сяо-сяо Бай за морду. — Она уже старая. Раньше она была гораздо энергичнее. — Он встал и направился к двери. — Цао Е, иди сюда.

Цао Е непонимающе последовал за ним. Лян Сычжэ нажал несколько кнопок на электронной панели у двери и, повернувшись, сказал:

— Если хочешь, можешь записать свой отпечаток пальца. Тогда ты сможешь приходить навещать её, когда захочешь. В начале года у неё были проблемы с желудком, и врач сказал, что ей осталось недолго.

Цао Е посмотрел на сяо-сяо Бай, которая осталась лежать на полу, потом на Лян Сычжэ. Он подумал, что Лян Сычжэ, наверное, очень расстроен, но на его лице не было ни тени грусти. Лян Сычжэ говорил об этом спокойно, как о чём-то совершенно обыденном.

О чём он думает? Кажется, он ко всему относится равнодушно: к злобным комментариям в интернете, к внезапной смерти сяо Бай четыре года назад, к скорой кончине сяо-сяо Бай, которая была с ним десять лет. Он словно намеренно скрывал свои эмоции, и только когда они переполняли его, он изредка показывал свою уязвимость.

Цао Е трижды приложил палец к сканеру. Раздался писк — его отпечаток был записан.

В этот момент раздался звонок в дверь. На экране появилось лицо Сун Цинъянь.

— Сычжэ-гэ, это я.

Лян Сычжэ открыл дверь и взял у неё пакет.

— Как раз вовремя.

— Хе-хе, правда? — улыбнулась Сун Цинъянь. — Я уже была у ворот, собиралась занести тебе контракт. А когда ты сказал, что нужно купить продукты, я попросила Чэн-гэ заехать в ближайший супермаркет. Сычжэ-гэ, ты же обедал в компании? — Не договорив, она заметила Цао Е. — Господин Цао тоже здесь. — В её голосе не было удивления.

— У меня гости, нужно их угостить, — улыбнулся Лян Сычжэ.

— И ты угощаешь гостей лапшой быстрого приготовления?..

— Что ты такое говоришь? Гость ещё ничего не сказал, а ты уже выставляешь меня в неловком свете, — усмехнулся Лян Сычжэ и посмотрел на Цао Е. — Лапша подойдёт?

— Какая лапша? — Цао Е посмотрел на пакет в его руках и понял. — Ты будешь мне готовить?

— А как иначе?

Сун Цинъянь вдруг почувствовала себя лишней:

— Тогда... я, пожалуй, пойду, Сычжэ-гэ. Контракт у тебя, я потом за ним заеду.

Лян Сычжэ кивнул, и Сун Цинъянь тихо закрыла за собой дверь.

— Сделаю что-нибудь лёгкое. Ты вчера много выпил, — сказал Лян Сычжэ, глядя на Цао Е.

— Ты умеешь готовить? — удивился Цао Е.

— Ты, наверное, ни один из моих фильмов не смотрел? — Лян Сычжэ усмехнулся и направился на кухню. — В «Красном мужчине, красной женщине» я много раз готовил лапшу и другие блюда. Я неплохо справляюсь с чем-то простым.

— Тогда давай я тебе помогу. — Цао Е последовал за ним.

— Не нужно. Тут всё уже помыто и нарезано. Иди лучше в гостиную, поиграй с сяо-сяо Бай.

— А... — ответил Цао Е, но остался стоять у входа на кухню.

Лян Сычжэ действовал довольно ловко. Он наполнил кастрюлю водой, поставил её на плиту, достал из холодильника два яйца, взял миску и, ударив яйцом о край, выпустил в неё белок и желток.

— Ты часто готовишь сам? — Цао Е прислонившись к дверному косяку, наблюдал за Лян Сычжэ. Было приятно смотреть, как он готовит. В голове вдруг всплыли слова Цао Юйнина: «Ты смотрел «Реку Ванчуань»? У него там такая фигура! Просто мечта!» — Что ни говори, а у Цао Юйнина был хороший вкус.

— Когда я не снимаюсь, то обычно готовлю сам, — ответил Лян Сычжэ. Вода в кастрюле закипела, он опустил туда лапшу и пару раз перемешал её палочками.

Цао Е вдруг подумал, что эта обыденная сцена выглядит довольно сюрреалистично. Снаружи бушевали слухи, а главный герой этой истории спокойно сидел дома и готовил лапшу. Если об этом узнают, будет ещё один повод для новостей.

Лапша быстро сварилась. Лян Сычжэ слил воду и, переложив лапшу в миску, поставил её на стол. Сверху лежали ярко-зелёные листья салата и жареное яйцо. От дымящейся лапши исходил аппетитный аромат.

— Ешь, — сказал Лян Сычжэ. — Я пойду спать. — Он вытер руки салфеткой и направился к лестнице.

— Хорошо, — ответил Цао Е и, повернувшись к нему, добавил: — Спасибо тебе за бар.

Лян Сычжэ, уже дойдя до лестницы, обернулся:

— И как ты собираешься меня отблагодарить?

Цао Е замялся:

— Как хочешь. Ты только скажи.

— Скажу... — Лян Сычжэ улыбнулся. — Вся жизнь впереди. Я ещё подумаю. Ты, главное, это запомни.

— Хорошо. — Цао Е кивнул и откусил лапшу. Горячая лапша согрела его изнутри, и желудок, измученный алкоголем, словно пришёл в себя.

Лян Сычжэ поднялся на второй этаж, остановился и, облокотившись на перила, посмотрел вниз на Цао Е:

— После еды можешь поиграть с сяо-сяо Бай. Поговори с ней, я буду спать на втором этаже и ничего не услышу.

— И о чём мне с ней разговаривать... — Цао Е поднял голову. — Я уже не ребёнок.

— А что, это по-детски? — усмехнулся Лян Сычжэ. — Я вот часто с ней разговариваю.

— И о чём же?

— Рассказываю ей о своём друге, Цао Е. Это он дал ей имя.

«Это же я только что сам ей сказал», — подумал Цао Е и, посмотрев на Лян Сычжэ, спросил: — А ещё что?

— А ещё говорю, что он вырастил её отца и кормил её мать.

«...Так он всё слышал...» — подумал Цао Е и процедил сквозь зубы: — Ты специально, да, Лян Сычжэ?

— Боялся, что я услышу, как ты разговариваешь с собакой? — Лян Сычжэ, глядя на него сверху вниз, рассмеялся. — Какой ты милый, Цао Е. — С этими словами он выпрямился и толкнул дверь в спальню на втором этаже.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130276>